

Земельная революція въ Россіи.

«Quels que soient les grands noms liberté, éga'lité, fraternité dont la Révolution se décore, elle est par essence *une translation de la propriété*: en cela consiste son support intime, sa force perméente, son moteur premier et son sens historique. Jadis, dans l'antiquité, on avait vu des exécutions pareilles, les dettes abolies ou réduites, les biens des riches confisqués, les terres publiques partagées; mais l'opération se renfermait dans une cité et se bornait à un petit territoire. Pour la première fois elle s'accomplit en grand et dans un Etat moderne». (Taine La Révolution I 38.)

Въ наши дни подобный процессъ, еще болѣе en grand, совершается въ Россіи. Происходитъ огульное, стихійное перераспредѣленіе земли; въ немъ, можемъ мы повторить за Тэномъ, и внутренняя основа, и двигательная сила, и первый двигатель, и историческій смыслъ русской революціи.

Но въ самомъ ли, непосредственно, перераспредѣленіи земли заключается смыслъ событій, разсѣрзувшихся на нашихъ глазахъ? Не слѣдуетъ ли всмотрѣться глубже: что кроется за это въ грандіозномъ фактическомъ результатѣ?

Вѣдь если дѣло только въ фактъ перераспредѣленія, то не являются ли тогда всѣ рѣчи о безвозможности земельной революціи ничѣмъ инымъ, какъ легализаціей грабежа и насилія? Вѣдь разбой и бунтъ могутъ кончиться только фактомъ своего прекращенія — и ничѣмъ инымъ. Рѣчь можетъ идти только о возвращеніи заразившихся бѣдши тѣмъ безправія людемъ въ прѣжнее правовое состояніе, о возстаніи и силѣ въ социальско-экономическомъ и политическомъ. Вѣдь если дѣло о легализаціи всѣхъ насильственныхъ захватовъ звучала бы конъюнктивомъ, а не императивомъ существа права.

А можетъ быть эта мысль, въ разныхъ вариантахъ, является почти въ центрѣ и въ. Неужели это только демагогическій пріемъ, только буржуазныя интриги, только извращеніе правового чувства, только либеральскій оппортунизмъ? Неужели за стихійной силой революціи скрываются элементы прѣзды? Вѣдь не случайно же генералы Дубасовъ и Тресовъ, усмиряяшіе разстрѣлами взбунтовавшуюся крестьянскую массу, подняли только же вопль о передачѣ земли крестьянамъ!

Если прѣзрѣвать русскую земельную революцію съ экономической точки зрѣнія, то она безцѣльна, и таковой же надо признать

попытку закрѣпленія ея результатовъ; если разсматривать русскую земельную революцію съ точки зрѣнія современнаго правового государства, то она возмутительна, и такой же возмутительной нужно признать попытку легализаціи ея результатовъ. Но если мы взглянемъ на русскую земельную революцію въ исторической перспективѣ, то мы обнаружимъ въ ней свою логику и свой смыслъ, и въ этой постановкѣ вопроса поймемъ и неизбежность ея, и безповоротность ея результатовъ. Русскую революцію нужно разсматривать подъ угломъ зрѣнія *не существующаго, а возникающаго* буржуазнаго правового государства; въ примененіи къ землѣ она являетъ собой поединокъ двухъ правовыхъ мировоззрѣній, средневѣковаго, основаннаго на публично-правовомъ воспріятіи земельныхъ отношеній, и буржуазнаго, основаннаго на частномъ индивидуальномъ правѣ собственности.

* * *

До 19 февраля крестьянство жило въ атмосферѣ феодальныхъ отношеній. Оно сидѣло на царской землѣ, отданной, въ качествѣ „населенной земли“, помѣщикамъ въ вознагражденіе за ихъ службу. И помѣщики и крестьяне владѣли той же землею, одни (крестьяне) непосредственно, другіе (помѣщики) чрезъ посредство полъвластныхъ имъ крестьянъ. Правда, забывая постепенно происхожденіе и назначеніе крѣпостной зависимости крестьянъ и воспринимая идеи римскаго права, помѣщики, мало по малу, усваивали точку зрѣнія частной собственности на землю и, такимъ образомъ, расчленили крѣпостное право на рабовладѣльчество и частную земельную собственность, но крестьянству эта точка зрѣнія оставалась чуждою: они продолжали считать землю своею. Необходимость разрѣшить этотъ непримиримый конфликтъ правовыхъ убѣжденій была одной изъ главныхъ трудностей освобожденія. Реформа 19 февраля вышла изъ затрудненія тѣмъ, что, провозгласивъ соотвѣтственность помѣщиковъ на всю землю, обезпечила переходъ крестьянамъ опредѣленнаго минимума земли на началахъ выкупа. Помѣщики склонны были считать это рѣшеніе нарушеніемъ ихъ священнаго права собственности; крестьяне, исходя изъ началъ крѣпостнаго права, воспринимали ограниченіе ихъ земельного владѣнія, какъ грубое нарушеніе ихъ исконныхъ правъ.

Раздѣлъ земли между крестьянами и помѣщиками произведенъ былъ не по принципу фактическаго владѣнія — это, болѣе, чѣмъ что-нибудь, могло бы способствовать проникновенію въ сознаніе крестьянъ понятія собственности на землю — а по принципу надѣленія крестьянъ землею въ количествѣ, достаточномъ для выполнения ихъ обязанностей передъ правительствомъ и для обезпеченія ихъ быта. Публично-правовой характеръ земельныхъ отношеній освобожденнаго крестьянства былъ эгомъ рѣшительно подчеркнутъ. Аналогичный характеръ получилъ весь его Status. Поступившая крестьянамъ земля сдѣлалась предметомъ особаго законодательства, какъ вообще и вся

фигура крестьянина; изъ подъ опеки помѣщика онъ переходитъ подъ опеку и въ подчиненіе „міру“ и мѣстной администраціи. вмѣстѣ съ тѣмъ, самый порядокъ землепользованія и укладъ всей хозяйственной жизни получилъ болѣе или менѣе отчетливую коллективистскую окраску (община, дворъ), а это, въ свою очередь, создавало условія, благоприятствующія атмосферѣ хозяйственнаго квіэтизма. Неизбѣжнымъ становилось напряженное стремленіе вширь, какъ единственная возможность, при наличіи остановившейся хозяйственной техники, „обезпеченія быта“ нарастающаго поколѣнія. Вся крестьянская жизнь проникается ощущеніемъ земельной тѣсноты, земельного голода. Эта экономически обоснованная жажда земельного расширенія находитъ юридическое оправданіе въ публично-правовомъ воспріятіи земельныхъ отношеній, закрѣпленномъ реформой 19 февраля и постоянно оживляемомъ опытомъ общиннаго землепользованія.¹⁾ Вѣдь, что есть по существу принципъ: вся земля всему народу, какъ не распространеніе общиннаго начала на весь земельный фондъ государства?

Такимъ образомъ мы видимъ рядомъ два земельныхъ режима, которые рано или поздно должны вступитъ въ рѣшительную борьбу: или крестьянство должно перейти къ одинаковой для всѣхъ гражданъ индивидуальной собственности, или вся земля въ государствѣ должна быть вовлечена въ сферу вліянія „надѣльнаго“ возрѣнія на землю. Впередъ или назадъ, частная собственность или черныи передѣлъ, Столыпинъ или Ленинъ.

Замѣчательно, что подобное противоположеніе было, какъ общее правило, совершенно чуждо полигической мысли стараго режима. Общинный порядокъ землепользованія, подчиненіе личности крестьянина деревенскимъ коллективамъ (міръ, дворъ), проникновеніе крестьянскаго правопорядка духомъ опеки, идея „надѣленія“ и связанная съ нею идея количественнаго ограниченія крестьянскаго землевладѣнія (что, по существу, содержитъ въ зародышѣ идею права на землю), — все это не только пережитки крестьянскаго міровозрѣнія, все это основные элементы и общественной идеологій, и правительственной программы. Идеализація сельскаго быта — это, кажется, единственный случай совпаденія взглядовъ правительства и общества, причемъ общества во всѣхъ его слояхъ, отъ реакціонеровъ до революціонеровъ.

1905 — 1906 годы рѣзко измѣнили положеніе. Съ одной стороны, крестьянство было значительно приближено къ общему гражданскому Status'у. Съ другой стороны, правительство въ лицѣ Столыпина рѣзко перемѣнило фронтъ и пошло войной на общину. Столыпинъ рѣшительно порвалъ съ публично-правовой земельной идеологій и поставилъ себѣ задачей изъ бывшихъ помѣщиковъ и бывшихъ крѣпостныхъ создать крупныхъ и мелкихъ земельныхъ собственни-

1) Изъ зарубежной литературы обращаемъ вниманіе на замѣчательный по художественной правдѣ очеркъ Е. Е. Яшнова. „У истоковъ революціи“. Русское обозрѣніе, вып. V, 1921 г.

ховъ. Соціально-политическія отношенія, не утратившія еще впитавшагося въ нихъ запаха властвованія, должны были превратиться въ чисто экономическія. Эта конверсія правъ должна была произойти безъ количественнаго ихъ измѣненія: крестьяне ника-ой новой земли не получали, но та, которая находилась въ ихъ пользованіи, дѣлалась объектомъ частной собственности отдѣльныхъ крестьянъ. Реформа Столыпина пошла въ общемъ удачно, и если бы Россія имѣла въ своемъ распоряженіи еще какихъ-нибудь спокойныхъ 10 — 15 лѣтъ, соотношеніе силъ и идей могло измѣниться въ такой мѣрѣ, что все-россійскій погромъ, нами пережитый, оказался бы невозможнымъ. Недаромъ, Ленинъ въ 1907 г. давалъ положительный отзывъ о реформѣ Столыпина, отмѣчая, что имъ избранъ одинъ изъ двухъ возможныхъ путей реконструкціи Россіи, именно эволюціонный, съ сохраненіемъ существующаго соотношенія силъ, въ противоположность революціонному, когда чужая земельная собственность вырастаетъ лишь изъ процесса предварительнаго принудительнаго овладѣнія всѣмъ земельнымъ фондомъ страны.

Столыпинская реформа, остановленная войной, испытала всѣ послѣдствія незавершеннаго соціального переворота. Деревня была революціонизирована, но соотношеніе силъ еще не перемѣстилось въ сторону частной собственности, которая держалась въ значительной мѣрѣ авторитетомъ и силой правительственнаго аппарата. Когда государственная власть пала, вѣчные противорѣчія деревни обнажились съ полной рѣзкостью. Бывшій помѣщикъ стоялъ передъ бывшимъ крѣпостнымъ, частный собственникъ передъ общинникомъ. Произозшелъ грандіозный рецидивъ, казалось, уже ушедшихъ въ прошлое и забытыхъ представленій крѣпостного быта. Волна чернаго передѣла смысла и помѣщиковъ и мелкихъ собственниковъ, обративъ все государство въ гигантскій анархическій союзъ земельныхъ общинъ. Публично-правовое воззрѣніе на землю возобладало надъ частноправовымъ, вся земля досталась всему народу.

Этимъ было осуществлено такъ сказать отрицательное заданіе революціи: устраненіе помѣщиковъ, возобладаніе историческаго права крестьянства на землю надъ всѣми частноправовыми отношеніями къ землѣ. Но какъ же положительно будутъ опредѣлены земельныя отношенія въ этомъ „новомъ строѣ“?

* * *

Русской общественно-политической мысли стараго режима была свойственна мысль мессіанскаго назначенія Россіи въ области земельныхъ отношеній. Русская община признавалась примитивнымъ, грубымъ, несовершеннымъ выраженіемъ новаго совершеннаго земельного строя, долженствующаго замѣнить старыи и въ сочетаніи (или въ противорѣчіи) съ западно-европейскими идеями социализма пересоздать человеческое общество. Безъ грозящей Европѣ революціонной

соціальной катастрофы, въ процессъ эволюціи, долженъ изъ темной общины вырасти свѣтлый Божій садъ. Ко времени революціи, эта точка зрѣнія, входя въ обиходъ интеллигентскаго міровоззрѣнія, наиболѣе ярко и рѣшительно была представлена партіей социалистовъ-революціонеровъ. Неудивительно, что какъ только пала старая власть и открылось поле для соціальныхъ реформъ, представители главнымъ образомъ этой партіи, поощряемые сочувствіемъ общества и исполненные энтузіазма, приступили къ исполненію своей провиденціальной миссіи. Какъ извѣстно, они были прерваны въ самомъ началѣ своихъ работъ нтерифильскими мужиками, которые, сѣдуя со-вѣту большевиковъ, рѣшили земельный вопросъ сами, домашними средствами, т. е. вилами и топорами.

Однако, эсерамъ — въ лицѣ Лѣваго крыла ихъ — суждено было досказать свою роль до послѣдняго слова. Большевики, въ пылу борьбы, забыли было всякое революціонно приличіе и начали называть вещи своими именами, декретировать отъмену „помѣщичьей“ собственности sans phrase, — но потомъ спохватились и, объединившись съ лѣвыми эсерами, быстро исправили свою ошибку. Уже черезъ три мѣсяца было обнародованъ „основной законъ о землѣ“, составленный по послѣднему слову революціонной моды.

Основной законъ о землѣ явилъ все плодотворное сотрудничество между большевиками и лѣвыми эсерами. Но отклоненія въ сторону коммунизма носятъ характеръ механическихъ поправокъ, не нарушающихъ идейной стройности изданнымъ члѣномъ. Законъ о землѣ — тѣсно торжествующаго народничества, получившаго, наконецъ, возможность воплотить въ живыя законодательныя нормы свои давнія мечтанія; въ этомъ его главный интересъ.

Общія положенія закона формулируютъ общія декларативныя заповѣди народнической брошюрной мудрости: Земельная собственность отменяется, земля безъ выкупа (живаго или скрытаго) переходитъ въ пользованіе народа; право пользованія принадлежитъ трудящимся на землѣ; весь частно-владѣльческій живой и мертвый инвентарь и всѣ частно-владѣльческія сельско-хозяйственныя постройки переходятъ безъ выкупа въ распоряженіе народа, которому, въ лицѣ сельской, волостной, уѣздной, губернской, областной, и, наконецъ, федеральной власти, принадлежитъ распоряженіе какъ землей, такъ и инвентаремъ и постройками. Распределеніе земли производится на уравнительныхъ началахъ, причемъ общимъ и единственнымъ источникомъ права пользованія землею является личный трудъ.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на одномъ лишь, главномъ вопросѣ, — именно вопросѣ распределенія земли. Общій принципъ таковъ: „распределеніе между трудящимися должно производиться на уравнительно-трудовыхъ началахъ, такъ, чтобы потребительно-трудовая норма, примѣняясь въ данномъ районѣ къ исторически сложившейся системѣ пользованія, не превышала трудоспособности на-

личныхъ силъ каждаго отдѣльнаго хозяйства, и, въ то же время, давала бы возможность безбѣднаго существованія семьѣ земледѣльца.

Попробуемъ разобраться въ этомъ нагроможденіи понятій и признаковъ.

Въ основаніе уравнительнаго распределенія земли можетъ быть положено два признака: трудовой и потребительный. Первый исходитъ изъ стремленія снабдить каждое хозяйство землею въ количествѣ, достаточномъ для полнаго использованія всей наличной трудовой силы; второй — центр тяжести переноситъ изъ моментъ потребленія, ставя количество земли, причитающееся на отдѣльное хозяйство, въ соответствие съ суммой продуктовъ, необходимой для удовлетворенія его нуждъ. Такъ какъ земля имѣется въ ограниченномъ количествѣ, то практически „должное“ претерпѣваетъ значительныя измѣненія въ зависимости отъ „сущаго“, т. е. отъ фактическаго соотношенія между земельнымъ фондомъ и числомъ претендентовъ на него. Но, независимо отъ этого, и самыя нормы не имѣютъ самостоятельнаго содержанія, какъ за отсутствіемъ стойкаго соотношенія между единичной трудовой силой и количествомъ земли, такъ и за совершенной неопредѣленностью понятія потребительной нормы; въ существѣ „нормальное“ распределеніе сводится къ болѣе или менѣе произвольному фиксированію наблюдаемыхъ обычныхъ среднихъ величинъ. За всякой попыткой нормированія можно прослѣдовать фактическія, бытовые явленія.

Необходимость привертнуться къ фактическимъ отношеніямъ совершенно отчетливо сознавали творцы реформы 1861 г.: ставъ на точку зрѣнія „надѣленія“, они вмѣстѣ съ тѣмъ отказались отъ мысли рационализировать это надѣленіе, а остановились лишь на поправкахъ къ существующимъ земельнымъ отношеніямъ. Установлены были для отдѣльныхъ мѣстностей, связанныхъ общностью хозяйственныхъ условій, высшія и низшія границы надѣловъ; излишекъ отрѣзался (тутъ можно видѣть нѣкоторые элементы трудового принципа — излишекъ противъ нормальнаго трудового хозяйства), недостатокъ прирѣзался (потребительскій принципъ *par excellence*, обезпеченіе быта). Между этими границами, опредѣлявшими обычные размѣры средняго трудового хозяйства, колебались надѣлы, фактически предоставленные въ пользованіе крестьянамъ.

Любопытно, что схожая система, съ нѣкоторыми существенными измѣненіями, примѣняется и совѣтскимъ закономъ о землѣ. Онъ также предлагаетъ раздѣлить Россію на пояса, примѣнительно къ исторически сложившимся системамъ полеводства, и для каждаго пояса установить средніе размѣры нормальнаго хозяйства. Какъ обнаружить эту среднюю норму — учить особая инструкция, вставленная въ законъ. Мы не думаемъ, чтобы на основаніи этой инструкции можно было что-нибудь практически исчислить, — намъ, по крайней мѣрѣ, понять ее не удалось. Заданіе она ставитъ слѣдующее: надо установить среднее количество земли, приходящееся на крестьянскую рабочую

силу, среднее число нетрудоспособныхъ, приходящихся на одну рабочую силу, среднее количество скота, приходящееся на одну рабочую силу и одну десятину, и среднюю по качеству и урожайности десятину. Изъ всѣхъ этихъ элементовъ должно быть сочинено (какъ — неизвестно) то среднее хозяйство, которое почитается нормальнымъ для всего пояса. Если это среднее хозяйство оказывается недостаточно обеспеченнымъ землею „для безбѣднаго существованія“, — норма можетъ быть соответственно повышена. До этой нормы доводится, въ порядкѣ дополнительнаго надѣленія, всѣ большае малоземельныя хозяйства. Въ этомъ отношеніи законъ о землѣ сопрягается съ крестьянской реформой. Но, все, что превышаетъ эту минимальную норму — отрѣзается; это уже существенное отлчїе отъ крестьянской реформы, которая знала кромѣ минимальнаго еще и максимальный надѣлъ, неизвѣстный закону о землѣ, доводящему уравнивательность до предѣла возможнаго. Но мало этого, уравнивательность идетъ еще дальше, законъ принимаетъ мѣры къ тому, чтобы земельная рента не поступала ни въ какомъ случаѣ въ пользу земледѣльца: всѣ выгоды, происходящія отъ расположенія или качества земли учтены особо при опредѣленіи размѣра надѣла; если же таковыя выгоды обнаружались бы впоследствии — весь „излишекъ доход.“ отбирается въ распоряженіе совѣтской власти.

Всѣ кричали: земли мало. Действительно для средняго крестьянскаго хозяйства, при данномъ уровнѣ техники, земли было мало, это объективный фактъ. Теперь, по общему правилу, эту именно среднюю величину дѣляютъ всеобщей, отбирая у всѣхъ излишки, а тотъ хозяйственно техническій строй, при которомъ эта величина была явно недостаточна, презираютъ, оставляя въ мѣстн. мѣрѣ, причемъ отбирая всѣ „излишки дохода“ обуславливаемые разн. качествомъ земли, устраняютъ всѣ мотивы къ интенсификаціи хозяйства, всегда, въ конечномъ итогѣ, связанной съ улучшеніемъ качества земли. Не удивительно, что даже совѣтскіе экономисты поддержали законъ о землѣ ѣдкой критикѣ и подняла его на смѣхъ.

Коммунисты позволили эсерамъ изложить въ законѣ ихъ программу; отъ себя они вставили лишь нѣсколько статей, которыя даютъ власти право изъять изъ подъ уравнивательной гребенки тѣ земли, на которыхъ находятся или создаются хозяйства, организованныя или организуемыя на началахъ коммунизма или ему близкихъ. Когда затѣмъ черныи передѣлъ осуществился (конечно, не по правиламъ закона о землѣ, а вездѣ по разному, применительно къ общимъ мѣстнымъ названіямъ или воспоминаніямъ), большевики, сохранивъ законъ о землѣ для наружнаго употребленія, рѣшили приступить къ проведенію своей собственной программы. Въ противоположность проводимому эсерами распыленію земли, они выдвигаютъ планъ организаціи сельскаго хозяйства. Они прекрасно понимаютъ, что распределеніе земли, ими вызванное и допущенное, есть явленіе однократное и, по существу, переходное. Но къ чему? Ленинъ и самъ раньше,

как послѣдовательный марксистъ, считалъ и училъ, что изъ этого передѣла должна вырасти подлинная индивидуальная собственность, освобожденная отъ пережитковъ феодализма, но теперь опьяненіе успѣха заставило большевиковъ забыть эту трезвую истину, и они рѣшаютъ сдѣлать попытку забить и въ сельское хозяйство нѣсколько свай проводимой ими въ жизнь социалистической организаціи.

Въ трехъ направленіяхъ начинаютъ они работать¹⁾. Во первыхъ, они изымаютъ изъ подъ уравнительнаго передѣла рядъ крупныхъ экономій и начинаютъ на нихъ государственное хозяйство. Во вторыхъ, они способствуютъ созданію ячеекъ различной интенсивности коммунистическаго начала и надѣляютъ ихъ преимущественными правами на полученіе земли. Наконецъ, — и это самый серьезный шагъ — они дѣлаютъ попытку найти въ деревнѣ элементы, которые, организовавшись, сдѣлали бы сыграть тамъ роль, аналогичную той, которую въ городахъ выполняли рабочіе: это батраки. Ихъ организуютъ въ комбеды которымъ присваивается значительная власть, въ частности, — распоряженіе всѣмъ деревенскимъ инвентаремъ. На этихъ трехъ китахъ — совхозы, коммуна, комбеды — большевики думаютъ начать постройку злания сельско-хозяйственнаго социализма.

Всѣмъ извѣстно, что изъ этихъ попытокъ ничего не вышло.

Совхозы сбергли для будущей Россіи рядъ высоко-культурныхъ экономій, въ какомъ смыслѣ они представляютъ значительную цѣнность, — но социалистическаго въ нихъ обнаружить нельзя ничего; это типичныя разрозненныя бюрократическія учрежденія, характерныя своею полною безпомощностью.

Разные варианты коммунистическихъ ячеекъ въ однихъ случаяхъ послужили удобной защитной выѣзкой для буржуазныхъ хозяйствъ разныхъ типовъ, въ иныхъ случаяхъ дали поводъ появиться на свѣтъ нѣсколькимъ болѣе или менѣе худосочнымъ артелямъ, — больше ничего.

Комбеды должны были *faute de combattants* пополнить свой составъ середняками и тѣмъ самымъ лишь способствовали организаціи деревенской буржуазіи, измѣнивъ самымъ рѣшительнымъ образомъ своему назначенію.

Вся постройка развалилась, вся энергія большевиковъ не могла имъ перескочить отъ чернаго передѣла къ зачаткамъ коммунизма, и, наконецъ, Ленинъ долженъ былъ признать, что въ 1907 г. онъ болѣе трезво смотрѣлъ на вещи, чѣмъ въ 1918 г. Постепенно начинается капитуляція передъ мужикомъ. Сначала середнякамъ дается какъ бы отсрочка, потому большевики просто машутъ рукой на всю земельную политику въ нѣдомъ, сосредоточивая свое вниманіе единственно на сборѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и предоставляя земельнымъ отношеніямъ свободно отставаться.

1) См. подробнѣе въ моей статьѣ „Земельная политика совѣтской власти“, *Общее Дѣло*, 27 іюня с. г., Статья эта заканчивается двумя фразами редакціоннаго происхожденія, не вытекающими изъ соображеній автора.

Въ результатѣ — деревня предоставлена самой себѣ. Что въ ней произошло и происходитъ, примѣнительно къ земельнымъ отношеніямъ, — намъ неизвѣстно. Знаемъ мы, что совѣтская власть еще въ 1919 г. провозгласила „соціалистическое землеустройство“ и принимаетъ мѣры къ его проведенію въ жизнь. Знаемъ мы, что совѣтская власть принимаетъ мѣры къ тому, чтобы передѣленная земля была зафиксирована за опредѣленными землевладѣльцами. Знаемъ мы, что дѣлаетъ это совѣтская власть, „признавая недопустимымъ такое положеніе, когда земледѣлецъ не имѣетъ опредѣленныхъ участковъ земли для обработки, и имѣя въ виду, что послѣдствіемъ этого является плохая обработка и удобреніе земли, понижающая ее производительность, а также неуверенность хозяевъ въ полномъ во мѣщеніи ихъ трудовыхъ затратъ“ (мартовскій декретъ 1921 г., отрицающій запрещеніе передѣловъ). Мысль эта не новая и выразена она не очень гладко — крестьянскій наказъ депутатамъ Екатеринбургской Комиссін, ходатайствовавшей о созданіи такого земельного порядка, при коемъ „каждый проца себѣ землю свою навозить“, выразила эту мысль болѣе полуторжественнѣе тому назадъ короче и проще — но спору нѣтъ, это хорошая и вѣрная мысль. Къ сожалѣнію, однако, нарушенная собственность, понидимому, продолжаетъ мстить, и земельный порядокъ не возстаначивается.

А между тѣмъ, пора, близится время, когда и рядокъ долженъ быть и будетъ возстановленъ. Это — очередная настоятельная задача, стоящая передъ русской государственной властью.

Борьба между двумя возрѣніями на землю, публично правовымъ и частно-правовымъ, приходитъ къ концу.

* * *

Каковъ же, въ конечномъ итогѣ, результатъ революціи въ примѣненіи къ землѣ?

Мы можемъ повторить лишь то, что говорили въ послѣдній разъ больше года тому назадъ на Ялтинскомъ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ Г. В. Глинки, созванномъ по распоряженію ген. Врангеля, немедленно по принятіи имъ власти, для обсужденія земельного вопроса. Мы говорили тогда¹⁾, что дѣло революціи сводится:

„1) Къ превращенію онекаемой, неразвившейся крестьянской собственности въ подлинную свободную и полную собственность, точную въ ея территориальныхъ предѣлахъ и ясную въ ея взаимоотношеніяхъ съ внѣшнимъ міромъ, и

2) Къ оформленію процесса ликвидаціи крупнаго землевладѣнія въ смыслѣ перехода обреченнаго на распродажу крупнаго землевладѣнія въ руки мѣстныхъ земледѣльцевъ-собственниковъ крестьянскаго типа.

1) Еще тогда это было „особое мнѣніе“, не поддерживавшее, какъ крайнее, никѣмъ изъ членовъ совѣщанія!

Такимъ образомъ, если гражданскій порядокъ и собственность являются тѣми безспорными основами, на которыхъ должна строиться новая Россія, то такъ же безспорнымъ является то, что этими основами должны быть не старый порядокъ и не прежняя общинная и помѣщичья собственность. . .

Значить ли это . . . что всѣ фактическіе захваты должны быть признаны, что рѣчь можетъ идти лишь объ оформленіи всего содѣяннаго революціей? — Отнюдь нѣтъ. . . Никонимъ образомъ не долженъ быть поколебленъ основной принципъ гражданского строя, а, наоборотъ, должно быть объявлено, что земли будутъ принадлежать лишь владельцамъ, приобретшимъ ее „въ порядкѣ общихъ законовъ гражданскихъ. . .“

Въ одномъ только отношеніи намъ приходится окончательно измѣнить свое мнѣніе. Еще въ апрѣлѣ прошлаго года мы по соображеніямъ целесообразности — полагали, что „обреченныя“ земли должны быть обращены въ распродажу, сначала въ порядкѣ добровольныхъ сдѣлокъ, и потомъ лишь, по истеченіи установленнаго срока, распоряженіемъ власти. Теперь уже ясно, что неизбежна прямая и непосредственная продажа „обреченныхъ“ земель распоряженіемъ власти новымъ ихъ собственникамъ, съ совершеннымъ отдѣленіемъ этой операціи отъ операціи возгражденія прежнихъ собственниковъ за утраченныя ими недвижимыя имущества. Раздѣленіе этихъ двухъ операцій тѣмъ болѣе вѣроятно, тѣмъ отнюдь не удивились бы, если бы завтра прочитали декретъ Ленина, согласно коему „по финансовымъ соображеніямъ“ предлагается мѣстной администраціи приступить къ распродажѣ бывшихъ помѣщичьихъ, монастырскихъ и пр. земель съ аукціоннаго торга, или устанавливается та или иная форма выкупа захваченныхъ земель. . . *ducunt volentem fata nolentem trahunt.*

Во всякомъ случаѣ, мы продолжаемъ исходить изъ точки зрѣнія оживленія бывшихъ гражданско-правовыхъ земельныхъ отношеній, изъ принципа социальной „реставраціи“, доводимой до границы „обреченныхъ“ земель, которая, въ той или иной гражданско-правовой формѣ, переходятъ въ руки новыхъ собственниковъ. Черному передѣлу мы, такимъ образомъ, придаемъ лишь отрицательное значеніе и окончаніе земельной революціи усматриваемъ въ его преодолѣніи, связанномъ съ передачей въ собственность крестьянъ ряда земель, ранѣ имъ на правѣ собственности не принадлежавшихъ.

Но возможна другая точка зрѣнія, порывающая со всѣми проплыми земельными отношеніями и присваивающая черному передѣлу правотворищую силу. Такъ же, какъ въ процессѣ революціи новая власть, устраняя прежнюю, повелительно диктуетъ правовыя формы своего бытія, не считаясь съ прежнимъ правомъ, не заботясь о преемственности и претворяя фактъ въ право, такъ и чернѣйшій передѣлъ, погашая всѣ прежнія правовыя земельныя отношенія, распределяетъ всѣ земли по новому, придавая этому новому фактическому раздѣлу земель силу новаго права, безъ остатка замѣняющаго прежнее. Во-

прось тогда сводится уже не къ реставраціи прежняго права и не къ легализаціи на его почвѣ и въ его терминахъ тѣхъ измѣненій въ немъ, которыя признаются неизбежными, а лишь къ констатированію новыхъ отношеній и приданію имъ предиката правовыхъ. Задача земельной политики ограничивается тогда распознаваніемъ результатовъ чернаго передѣла и разверстаніемъ новыхъ собственниковъ (всѣ тогда новые собственники!).

Мы не скрываемъ отъ себя, что этотъ послѣдній взглядъ теоретически допустимъ, и, съ точки зрѣнія всей нашей историко-политической аргументаціи, вполне обоснован¹⁾. Но и нынѣ мы затрудняемся вѣрить въ его реальность. Поскольку рѣчь идетъ о раздѣлѣ помѣщичьихъ земель между наличными крестьянами, для насъ еще понятно „пріятіе“ чернаго передѣла; въ необычныхъ случаяхъ весьма вѣроятно сохраненіе результатовъ чернаго передѣла, единственно лишь съ упорядоченіемъ и оформленіемъ ихъ. Но таково ли общее правило? Есть ли какое основаніе полагать, что черныи передѣлъ былъ въ рядѣ случаевъ всеобъемлющимъ, а тогда дѣло рѣшительно мѣняется. Мы не можемъ себѣ представить, чтобы вся крестьянская и вообще мелкая собственность признала всѣ права свои окончательно погашенными чернымъ передѣломъ и отказалась отъ реставраціи своихъ гражданскихъ правъ; у насъ нѣтъ основаній презюмировать за чернымъ передѣломъ такую силу, которая смогла бы поглотить всѣ прежнія права на землю и создать новыя. Къ сожалѣнію, однако, мы не располагаемъ никакимъ матеріаломъ, характеризующимъ внутренніе процессы деревни и реально демонстрирующимъ подлинныя черты происшедшаго и происходящаго распределенія земли, а до полученія подобныхъ матеріаловъ, всѣ умозаключенія наши о степени вѣроятія одного или другого направленія земельной революціи носятъ, силой вещей, условный характеръ.

г. Сербія, 16 августа 1921 года.

К. Зайцевъ.

1) Противоположеніе указанныхъ въ текстѣ двухъ путей преодоленія чернаго передѣла формулировано нами въ серіи статей, помѣщенныхъ вес юй 1919 г. въ газетѣ „Свободная Рѣчь“ подъ заглавіемъ: „Какъ ликвидировать земельную революцію“.